

КРЫЛОВ И РУССО

(Человек в философских схемах и реальной жизни)

Среди писателей своего времени, на фоне литераторов конца XVIII—начала XIX века фигура Крылова, застывшего на своем диване под опасно висящей картиною, и проч. и проч. резко выделяется.¹ Но выделяется она не только и не столько этой своей позою — у каждого писателя крыловского времени была своя поза, сознательно внедрявшаяся в литературные и бытовые тексты. Выделяется она мудростью, которую в этом контексте должно понимать как оппозицию фило-софичности.

К сожалению, до сих пор нет работ о Крылове и Вольтере, о Крылове и Мабли, о Крылове и его русских современниках-мыслителях.² Мудрец Крылов оказывается как бы вне философских систем своего времени. Между тем у него было свое отношение к ним: для него характерны скепсис по поводу любой философской системы как таковой и убеждение в слабости ее перед лицом здравого смысла.

Речь пойдет об отношении Крылова к идеям Ж.-Ж. Руссо. В сочинениях Крылова имя французского писателя мы находим несколько раз.

В сатирической повести «Ночи» Крылов описывает «обольщающую красавицу» и говорит: «Не подумай, однакож, любезный читатель, что госпожа эта скудна разумом. Если бы и случилось кому покрасть ее прелести, то осталось у ней еще одно очарование, против которого никакое нынешнее сердце не устоит: красноречие — вот ее сильнейшее оружие; она превосходит им сочинителя Новой Элоизы. Письма ее к любовникам очень убедительны, хотя, правда, все они на один образец, ибо начинаются так: „Объявителю сего платит Государственный заемный банк и проч.“. Воскресни, Руссо, подобно Магометову отцу, на один только час и увидь свою победительницу, а если ты столь отважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то выставим на одну доску письма твоей Элоизы и моей, и я ручаюсь, что последние станут торжествовать и что за них ухватятся все, не выключая академиков и самого тебя».³ Далее в этой же повести передан разговор слуги Ивана и его Барина. Когда Иван слишком «разумничался» перед своим господином, Барин на-

¹ См.: Гордин А. М., Гордин М. А. Крылов: реальность и легенда // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 23—27.

² Крылов не упоминается в исследовании Ю. М. Лотмана «Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века» (Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 2).

³ Крылов И. А. Сочинения: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 242.

мекает ему на наказание, и Иван говорит: «А, а, понимаю! вы говорите про палки... и признаю, что убедительнее Руссо доказываете мне вредность наук...».⁴ Оба эти высказывания свидетельствуют о том, что Крылов был хорошо знаком с основными сочинениями Руссо и, во всяком случае, весьма высоко оценивал достоинства Руссо-писателя. Однако, судя уже по ироническому высказыванию Ивана, который уподобил палку своего господина трактату Руссо «О влиянии наук на нравы», философское учение Руссо Крылов принять не может.

Широко известно и глубоко усвоенное русской культурой в конце XVIII—начале XIX века учение Руссо о двух типах идеала человеческой жизни: «...дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаяние. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стойка не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, он отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие <...> Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший жить в обществе, всегда вне себя: он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования».⁵

В русской художественной культуре это противопоставление двух идеалов оформилось в устойчивой оппозиции вольности и покоя, с одной стороны, и счастья — с другой, причем за «вольностью и покоем» закрепилось значение не только жизни природной, внегражданской, внеобщественной, но и жизни народной, а за «счастьем» — значение жизни социальной, культурной, активно гражданской и общественной.⁶ Первому идеалу соответствовали в литературе образы, которые М.М. Бахтин назвал образами циклического хронотопа, т. е. жизни на одном месте, ибо, только находясь на одном месте, можно со всей полнотой осознать смену времен года и суток — те природные циклы, которые, будучи применены к человеку, создавали метафорические образы утра жизни, вянущей младости печального заката наших дней и проч.⁷ Второму идеалу — идеалу гражданской жизни в борьбе за

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 96—97.

⁶ Подробнее об этом см.: Струганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. С. 72—83.

⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 205. Суждение Руссо о том, что человек цивилизованный «может жить только во

«счастье» — соответствовали образы линейного хронотопа, отмечающие, как правило, индивидуальность, своеобразие поисков того или иного человека. Для изображения этого линейного хронотопа использовались обычно те же образы, но со знаком «минус»: увядание на утре дней, любовные страсти в старости и т. п. Наконец, для изображения этих идеалов жизни могли использоваться и пространственные образы — сидения на одном месте и пути, замкнутого водного пространства (озеро, море) и текучего водного пространства (река).⁸ Еще в добасенный период Крылов неоднократно высказывался по поводу того, в чем он видит идеал жизни человека, хотя и не называет при этом имени Руссо. Так в оде «Блаженство» (1793—1795?) он горько сетует по поводу того, что

Везде природы совершенство
Луч осветил всходяща дня;
Все чувствует свое блаженство,
Все веселится вокруг меня,
Все видит счастье под ногами,
Не гонится за ним морями:
Никто от счастья не далек.
Один лишь только человек,
Гордясь свободой без свободы,
Блаженства ищет вне природы.

.....
Ему покой и радость чужды:
Рожден желаньями кипеть.
Его отрада — множить нужды,
Его мученье — их терпеть.
Средь брани ищет он покою;
Среди покоя — алчет бою;⁹
В неволе — враг земных богов;
На воле — ищет злых оков;
Он в будущем лишь счастье видит
И в настоящем ненавидит.¹⁰

Здесь, а также в оде «Уединение», в «Отъезде из деревни» (оба — 1793—1795?) деревня, близкая природной жизни,

мнения других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования», оказывается исключительно близко основным положениям антропологии Бахтина: «Я прячется в *другого* и *других*, хочет быть только другим для других, войти до конца в мир других как другой, сбросить с себя бремя единственного в мире Я (*Я—для—себя*)» (Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 524). Не разрывая этого сюжета, укажу лишь, что эти антропологические идеи Руссо уже обсуждались: *Леви-Строс К.* Руссо — отец антропологии // Курьер ЮНЕСКО. 1963. Март. С. 10—15.

⁸ Усвоение этой образности в русской литературе XVIII—начала XIX века описано нами в кн. «Человек в художественном мире Пушкина» (С. 21—71); Русская литература первой трети XIX века. Тверь, 1993.

⁹ Парафразом этих двух стихов выглядит лермонтовский «Парус». Однако и он на самом деле просто восходит к философской конструкции Руссо.

¹⁰ Крылов И. А. Стихотворения. Л., 1954. С. 499, 501. В дальнейшем цитаты из стихотворных произведений Крылова приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте.

описывается как «недра спокойства и свободы», а город — как «мрачный гроб природы» (С. 495).

Вот, казалось бы, законченный руссоист. Но дело в том, что в эти же годы Крылов пишет еще и другие стихотворения, в которых проявляется отношение к проблематике Руссо. Это «Письмо о пользе желаний» и «Послание о пользе страстей» (оба — 1794—1795?). Здесь тоже нет имени Руссо; напротив того, здесь прямо упоминаются Соломон и Зенон. Но спорит Крылов все-таки именно с Руссо:

Не тот счастлив, кто счастьем обладает:
Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает

Прочь, школами прославленный покой.
Природы враг и смерти брат родной! (С. 511).

Не покой и вольность, прославленные Руссо, а «счастье в борьбе» — вот идеал, пропагандируемый в этом стихотворении. В другом из них Крылов пишет:

Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
Они ведут науки — к совершенству.
Глупца — ко злу, философа — к блаженству.
Хорош сей мир, хорош: но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей (С. 520).

Здесь Крылов спорит с трактатом Руссо о влиянии наук на развитие общества. И если Руссо видел в науках пагубу для общественной жизни, то Крылов утверждает благостность их влияния.¹¹

Итак, уже в 1790-е гг. Крылов дает два прямо противоположных толкования проблематики Руссо. Почему? Объяснение этому мы попытаемся дать чуть позже.

Обратимся к басням Крылова. Не составит большого труда обнаружить среди его басен группу, в которой противопоставлены эти идеалы жизни. Сначала — «Два Голубя» (1803). Сюжет этой басни взят из Ж. Лафонтена (до Крылова этот сюжет разрабатывался в России А. П. Сумароковым, И. И. Дмитриевым, Д. И. Хвостовым). Но дело в том, что практически одновременно с Крыловым этот же сюжет (без аллегорической, впрочем, формы) осваивают В. А. Жуковский в «Теоне и Эсихине» и К. Н. Батюшков в «Странствователе и домоседе». У всех трех авторов подчеркивается преимущество домоседства, которое и обеспечивает постижение подлинных ценностей жизни, в то время как странничество, напротив, отдаляет человека от них.

¹¹ Полемику с этим трактатом Руссо у Крылова отметил уже Н. Л. Степанов (*Степанов Н. Л. Крылов — баснописец // И. А. Крылов: Исслед. и мат. М., 1947. С. 74*), указав на басню «Водолазы» и на «Похвальную речь в память моему дедушке» (1792). Ср.: *Крылов И. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 290*. В более поздних работах (например, «Басни Крылова». М., 1969) Н. Л. Степанов уже не возвращался к этому вопросу.

Если же человек сознательно нарушает природный цикл, то это оборачивается для него гибелью. Об этом идет речь в басне «Дерево» (1814): деревце, стремясь скорее вырасти, просит человека вырубить вокруг него высокие деревья. Когда человек сделал это, деревце, лишившись естественной защиты, погибло. Здесь, казалось бы, верные подтверждения тому, что Крылов является последователем Руссо: он за этические ценности природной, «дикой» жизни, против жизни «цивилизованной», социальной.

Но дело в том, что рядом с басней «Дерево» в третьей книге басен Крылова находится басня «Старик и Трое Молодых» (1805; также написана на сюжет Лафонтена). Здесь трое молодых людей смеются над стариком, сажающим дерево, ибо он не сможет насладиться его тенью и плодами. Старик отвечает, что дни человека сочтены не людьми, и оказывается прав: все Трое Молодых вскоре умерли. Получается, что Трое Молодых, утверждавших циклический хронотоп как норму жизни, ошибались. И это действительно так, ибо и на самом деле не нам судить о длительности нашей жизни, — но это церковно-христианское воззрение. С точки же зрения схемы, предложенной Руссо, трое молодых — это носители истины.

Крылов дает, таким образом, два прямо противоположных ответа на вопрос о преимуществах/недостатках циклического времени. В басне «Старик и Трое Молодых» он опровергает его, а в басне «Дерево» его утверждает. Но обратим внимание на даты произведений. «Старик и Трое Молодых» написана в 1805 г., а «Два Голубя» и «Дерево» соответственно — в 1808 и 1814 гг. Может быть, изменение решений обусловлено идейной эволюцией автора?

Однако в таком случае Крылов вряд ли стал располагать басни, противоречащие друг другу, рядом. Обратимся к басне «Пруд и Река» (1814). Здесь изображен спор Пруда, олицетворяющего собой ценности циклического хронотопа — вольность и «покой», — и Реки — носительницы ценностей хронотопа линейного: «труда» и борьбы за счастье («И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу»). Этот спор решается в пользу Реки, в пользу линейного хронотопа: Река и поныне катит свои волны, отягощенные грузом, а Пруд зацвел и загдох. Напрашивается живая аналогия: Обломов и Штольц.¹² Таким образом, в одном и том же 1814 г. написаны басни совершенно противоположных ориентаций: так сказать, анти-руссоистская «Пруд и Река» и проруссоистская басня «Дерево».

Это объяснить можно только одним. Ни одна философская система как таковая не верна и не справедлива с точки зрения Крылова. Ни одна философская система не исчерпывает

¹² На возможность применения этой аналогии указал еще М. М. Бахтин (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 383).

всего многообразия жизни. Каждый раз, прикладывая ту или иную философскую модель к реальной жизни, мы вынуждены давать новый ответ. Готовых решений нет, и то, что было хорошо и верно вчера, сегодня стало уже неверным и не подходит к нашим взглядам.

Этим и удобна поза мудреца-баснописца, а не философа. Философ обязан строго последовательно выводить из посылки следствие, он должен строить логическую систему доказательств и аргументов. Мудрецу-баснописцу этого не требуется: он рассказывает историю, конкретную и связанную с целым рядом обуславливающих ее причин. Поэтому к каждой истории и прикладывается свой, особый вывод. То, что могло казаться противоречием в лирике, в басенном творчестве снимается логикой жанра. Мудрец потому и мудрец, что он не подлаживается к теории, а умеет каждый раз мудро решить, казалось бы, один и тот же, но одновременно и иной (в силу конкретных обстоятельств) вопрос.

Подобная «противоречивость» особенно наглядно проявляется при решении социальных вопросов. Вот самый простой и естественный из них: социальное равенство — это благо или зло? Кажется, иного, кроме положительного, ответа быть не может. И Крылов пишет, что отсутствие социального равенства приводит к насилию слабого над сильным («Волк и Ягненок», 1808), к непризнанию верхами прав низов («Листы и Корни», 1811; «Мор зверей», 1805), при этом сильные надменны по отношению к слабым, хотя те больше трудятся на общую пользу («Орел и Пчела», до 1813; «Водопад и Ручей», 1812; «Пожар и Алмаз», 1812). Перед природою все равны («Василек», 1823), но люди часто не только нарушают природное равенство, но и установленное ими самими («Совет Мышей», 1811).

Итак, вывод напрашивается сам собою: Крылов отстаивал социальную справедливость и равенство всех людей перед высшим судом.

Но для этого естественного, казалось бы, вывода есть и контрвыводы. Во-первых, при наличии общих социальных условий не каждый умеет правильно воспользоваться ими («Фортуна в гостях», 1816). Во-вторых, если дать людям социальное равенство — они полезут выше, туда, где находиться для них нет никаких оснований. Лягушка будет утверждать, что «мы пахали» («Лягушка и Вол», 1808), Скворец захочет петь по-соловьиному, не имея соответствующего дара («Скворец», 1816). Колос будет претендовать на особое внимание, хотя сеятель и сам знает, чего он достоин («Колос», 1819). Поэтому Крылов призывает:

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатю не родился;
И если карлой сотворен,

То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост
(«Ворона», до 1824;
С. 323).

Отсутствие социального равенства — такое же зло, как и наличие его. Люди не умеют пользоваться равенством либо злоупотребляют им. Но одновременно люди и попирают равенство, ущемляя права слабых и бедных.

Так же — внешне противоречиво, а внутренне очень стройно — решается и вопрос о характере отношений власти и подданных. Диктатура лучше демократии. Такой вывод прямо следует из сюжета басни «Конь и Всадник» (1814):

Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана (С. 196).

Так же точно решается вопрос и в баснях «Собака» (1816), «Кот и Повар» (1812). Но вот — «Лев на ловле» (1808). Когда власть своей силой претендует на кусок, принадлежащий слабым по праву, она перестает быть справедливой. Нельзя однозначно, раз и навсегда сказать, что одно хорошо, а другое заведомо плохо. Каждый раз приходится решать заново: что плохо, а что хорошо. В этом умении решать и заключается мудрость человека, который, не строя теорий, отдал предпочтение самой жизни. Так Крылов рассчитался со «столетьем безумным и мудрым»...